

63

ПРОТОКОЛ ДО ПРОСА

обвиняемого БУШУЕВА, Павла Ивановича, 1889 г.рожд., ур. Калининской области, быв. чл. ВКПб с 1911 по 1935 г., секретарь РК ВКПб Московского р-на г. Ленинграда. до ареста - Пред. Совнаркома АКССР. Прожив. - г. Петрозаводск, АКССР

от 20 августа 1937 года.

ВОПРОС: На допросе от 13 августа 1937 г. Вы не дали правдивых показаний по существу предъявленного Вам обвинения. Будучи изобличены следствием, Вы сделали заявление о том, что на последующих допросах Вы намерены дать правдивые показания о своей антисоветской деятельности, что Вы хотели рассказать?

ОТВЕТ: Да, я решил прекратить залпательство и правдиво рассказать о всех преступлениях, которые я совершил перед ВКПб и Советской властью.

ВОПРОС: Прежде чем перейти к изложению Ваших показаний, скажите, признаете ли Вы себя виновным в том, что Вы являлись активным участником антисоветской организации правых в Ленинграде?

ОТВЕТ: Да, я это признаю, я хочу прежде всего остановиться на одном очень важном моменте, сыгравшем не малую роль в моей последующей политической жизни. Этот факт покажет следствию, что я не случайно оказался в ста-

АМ

не врагов народа вместе с которыми я до последнего времени боролся с ВКПб и Советской властью.

ВОПРОС: Рассказывайте.

ОТВЕТ: Первый этап моей борьбы с ВКПб относится еще к 1921 году, когда работая в г. Сумах, Харьковской области, я целиком стоял на троцкистских позициях в период 1-го съезда ВКПб и голосовал за тезисы ТРОЦКОГО во время дискуссии по профсоюзам.

То, что я тогда примкнул к оппозиции опять-таки было не случайно, оно отражало тогда мое отношение к ВКПб и ее руководству, хотя я с введением НЭПа полностью отвечавшего моим тогдашним настроениям и прекратил всякую борьбу с ВКПб, тем не менее, это не могло не оставить во мне следа иineизбежно привело меня на путь дальнейшей борьбы с ВКПб и Советской властью.

В течение ряда лет я работал на ответственных участках по линии профсоюзов (в Москве и Твери), был секретарем Вятского Губкома ВКПб и председателем Тверской Губернской Контрольной Комиссии, а затем в 1928 году был направлен на курсы марксизма в г. Москву.

Мне казалось, что я окончательно порвал с прошлым. Однако, достаточно мне было встретиться в 1930 году в Москве с ЧУДОВЫМ И.С., откуда я по договоренности с ним поехал в Ленинград на работу, как во мне снова ожили антипартийные настроения. Под влиянием той обработки, которой я подвергался со стороны ЧУДОВА, ИРИЛИСА, НИЗОВЦЕВА, КОДАЦКОГО СТРУППЕ и других руководящих участников ленинградской

М

контрреволюционной организации правых.

Будучи приглашен ЧУДОВИЩ на работу (а до этого я с ним работал в Твери в период 1922-24 г.г.) я по приезде в Ленинград остановился у него на квартире. При первом же нашем свидании ЧУДОВ мне заявил, что пошлет меня на работу во вновь организуемый Московский район (выделяемый из Московско-Нарвского) в качестве Секретаря РК ВКПб. ЧУДОВ мне прямо сказал, что я должен учест "своебразие", то я никогда не привьюсь к Ленинграду и он бессилен в дальнейшем поддерживать со мной "моральные" отношения.

Я понял смысл предупреждения ЧУДОВА и стал приспособливаться в работе к "своебразию" ленинградской обстановки, а затем на базе совместных пьянок, быстро вошел "своим" человеком в круг политических приверженцев ЧУДОВА, к числу которых относятся: КОДАЦКИЙ, ИРКЛИС, АЛЕКСЕЕВ, НИЗОВЦЕВ и другие руководящие работники ленинградской парторганизации.

Моя связь с названными лицами "гнилой патриотизм" и недопустимые антипартийные местнические настроения дали повод им считать меня "своим", а затем эта связь и вся обстановка семейственности, кумовства и слайки, привели меня к прямой поддержке их в борьбе с политической ЦК ВКПб.

Врачааясь в среде ЧУДОВА, ИРКЛИСА, КОДАЦКОГО, АЛЕКСЕЕВА П., НИЗОВЦЕВА, я увидел, что ими ведется систематическая организованная борьба против руководства Ленинградского Горкома и руководства ЦК ВКПб.

Эти люди были теснейшим образом связаны между собой.

66

они противопоставляли себя ЦК ВКПб, клеветали на ЦК, обвиняли руководство ВКПб в создании тяжелых материально-бытовых условиях для рабочих, все на том этапе пропагандировали "местничество", ленинградский патриотизм и обрабатывали в этом направлении всех юго только можно было обработать. В числе таких оказался и я.

Таковы обстоятельства моего вхождения в антисоветскую организацию правых в Ленинграде. Никакой специальной вербовки меня в состав организации правых никто не производил и мое вхождение в организацию, явилось логическим завершением моей двурушнической деятельности в рядах ВКПб, начиная с 1921 года.

ВОПРОС: В чем конкретно выражалась деятельность антисоветской организации правых, участником которой Вы являлись?

ОТВЕТ: Начиная с 1930 года руководящая группа правых в Ленинграде в лице ЧУДОВА, КОДАЦКОГО, СТРУШЕ, АЛЕКСЕЕВА, НИЗОВЦЕВА активизировали свою борьбу против руководства ВКПб. Активизация антисоветской деятельности этой группы и руководимой ими организации правых в Ленинграде в тот период шла по линии вербовки единомышленников и распространения клеветнических измышлений, направленных на дискредитацию СТАЛИНА, КИРОВА и ЦК ВКПб в целом. Разрешите остановиться на этом более подробно.

Дело в том, что руководящее ядро правых в тот период умело играло на местнических чувствах, мало искушенных в политике партийных и хозяйственных работников, изображая

себя поборниками сохранения лучших "традиций" ленинградской организации, которые, якобы попираются ЦК и его постаниками (в частности КИРОВЫМ). Мы широко пропагандировали клеветнические измышления о том, что старых ленинградцев, имеющих в прошлом "революционные заслуги" затирают, не дают хода, отстраняют от руководства и т.д., изображая это как результат политики ЦК ВКПб направленной на разгром "старой большевистской гвардии". Подчеркиваю, что все эти наши демагогические вымыслы отвечали настроениям известной части ленинградских ответственных работников, претендовавших на руководящие посты в ВКПб и именно в среде работников с такими настроениями, мы завоевывали симпатии, приближали их к себе, а затем и втягивали в активную борьбу против ВКПб и Советской власти.

ВОПРОС: И этим ограничивалась деятельность Вашей антисоветской организации?

ОТВЕТ: Нет, конечно. Наша антисоветская организация проводила еще и большую вредительскую деятельность в народном хозяйстве. Мы считали, что путем вредительства нам удастся создать в стране дополнительные трудности и на этой почве вызвать недовольство масс руководством ВКПб и Советской власти и использовать это для смены существующего строя в стране.

ВОПРОС: Когда впервые Ваша антисоветская организа-

68

ция встала на путь вредительства в области сельского хозяйства?

ОТВЕТ: Впервые о вредительских установках организации я узнал от ЧУДОВА еще в период 1931-1932 гг.^{нр} Кроме того, я сам лично был участником совещания руководящей группы правых в доме отдыха на Володарке в 1932 году, где обсуждались вопросы связанные с оказанием противодействия мероприятиям ЦК ВКПб в области коллективизации сельского хозяйства.

ВОПРОС: Кто участвовал на этом совещании?

ОТВЕТ: На этом совещании участвовали: ЧУДОВ, КОДАЦКИЙ, АЛЕКСЕЕВ П., ОСВЕНСКИЙ, ШУЛЬМАН, ИРКЛИС, СОБОЛЕВ и я - БУШУЕВ.

ВОПРОС: Разве ОСВЕНСКИЙ, ШУЛЬМАН и СОБОЛЕВ также являлись участниками антисоветской организации?

ОТВЕТ: ШУЛЬМАН, СОБОЛЕВ и ОСВЕНСКИЙ были с нами тесно связаны, принимали активное участие, как я уже показал, в антисоветских разговорах на нелегальных сборищах нашей организации, разделяли целиком наши взгляды. Мне кажется, что они были не последними людьми в нашей организации правых, хотя ни с ЧУДОВЫМ, ни с ИРКЛИСОМ у меня о них, как об участниках организации, разговоров никогда не было.

ВОПРОС: А теперь скажите, какие решения были приняты на указанном совещании по воду вредительской дея-

69

тельности организации.

ОТВЕТ: Мы договорились тогда оказывать всяческое сопротивление проводимой коллективизации в Ленинградской области. Это совещание положило начало подрывной деятельности правых в сельском хозяйстве. С ходом времени методы вредительства и в этой области нами совершенствовали и размах вредительства возрастал.

ВОПРОС: Дайте показания о вредительской деятельности правых в области сельского хозяйства.

ОТВЕТ: Я затрудняюсь сказать о конкретной вредительской деятельности правых в условиях Ленинградской области. Однако, я не сомневаюсь, что эта вредительская работа проводилась в том же направлении, что и в Карелии, где я имел к нему самое непосредственное отношение. Так, в условиях Карелии мы ежегодно давали нереальные, завышенные задания в части ярового сева, проектируя в планах подъем целины без учета возможностей колхозов. Сланированные нами, таким образом, задания колхозами не могли быть выполнены и не выполнялись. Но так как мы требовали от колхозов выполнения задания, то они были вынуждены сокращать чистые пары, предназначавшиеся для посева овощей, занимая их яровым севом, в том числе и зерновыми культурами. Таким образом, значительную часть овощных колхозники вынуждались сеять с большими запозданиями и после плохих предшественников, что нарушило севооборот и резко снижало урожайность хлебов. Наряду с этим мы также, с целью срыва севооборотов и понижения урожайности, умышленно зани-

жали планы посева клевера.

В условиях Карелии, кроме того, нами проводилось вредительство в животноводческом хозяйстве путем срыва мероприятий по созданию кормовой базы. Вся эта вредительская деятельность в сельском хозяйстве Карелии осуществлялась при непосредственном активном участии ЗИНГИСА - б. наркома АНССР и ИРКИМСА, б. заместителя наркома АНССР.
Карельской облгосад
Секретаря

Наиболее широю нами в Карелии было организовано вредительство в лесной промышленности. Прикрывая вредительскую деятельность всевозможными об"ективными причинами, выполняя его не выше 40-50%. Директива ЦК ВКПб о механизации трудоемких процессов лесной промышленности нами саботировалась, а созданные механизированные об"екты вывозки древесины разваливались путем умышленного создания текучести кадров, из обеспечности тракторов запасными частями и т. д.

ВОПРОС: Каковая была Ваша личная роль во вредительской работе организации?

ОТВЕТ: Моя роль заключалась в том, что я, будучи председателем СНК Карелии, санкционировал проведение вредительских планов и установок в области севооборотов, землеустройства, мелиорации, а также и лесной промышленности.

ВОПРОС: И этим ограничивалась Ваша деятельность?

ОТВЕТ: Нет, конечно. Я не могу сейчас дать по этому вопросу исчерпывающих показаний, так как многое из

Ч

того, что я делал сейчас не могу вспомнить, я постараюсь вспомнить все эти факты из своей личной вредительской деятельности с тем, чтобы дать по этому вопросу дополнительные показания.

ВОПРОС: Расскажите о связи антисоветской группы, правых, участником которой Вы являлись, с троцкистами и зиновьевцами.

ОТВЕТ: По этому вопросу я могу сказать только о себе, так как не располагаю в отношении других участников нашей организации подробными материалами.

Сразу же после принятия мною дел секретаря РК ВКПб Московского района, при разделении б.Московско-Нарвского района, ко мне в Райком были переданы три инструктора, троцкисты ГОЛОВНЯ, ФАЙВИЛОВИЧ и ЛИХШТЕИН.

Я еще мало знал людей и характеристики на них получал от б.заворготделом РК КАРПУХИНА, в частности, от него я узнал об их активном троцкистском прошлом и имеющейся директиве ЧУДОВА об оставлении их на работе в Райкоме. Я тогда не понимал в чем дело и дал согласие на их оставление на работе.

Впоследствии же, после разговора с ЧУДОВЫМ, одобравшим эти мои действия, когда для меня стало ясно, что наша организация правых, в своей борьбе с партией блокируется с зиновьевцами и троцкистами, я начал насаждать троцкистов и зиновьевцев в низовые партийные организации района, нередко посыпая их в качестве руководителей парторганизаций крупнейших предприятий района (так в

УД

Автодорожный Институт я послал АНДРЕЕВА, на 1-й ГЭС ГОРЛСВА и т.д.).

Всем устроенным мною троцкистам и зиновьевцам я и мой заместитель ВЛАДИМИРОВ оказывали всяческую поддержку и с согласия ЧУДОВА и ПИЗОВЦЕВА тщательно сохранили их, как нашу резервную силу.

И только после событий 1-го декабря 1934 г. под наимом, которому я не мог сопротивляться, не рискуя разоблачить себя, я провел кой-какую чистку предприятий от троцкистов и зиновьевцев, сохранив их однако где было возможно до самого моего ухода из Райкома.

Во время проверки партдокументов в 1935 году проводившейся мною и моим заместителем НЕВИНСКИМ, нами было оставлено большое количество неразоблаченных троцкистов и зиновьевцев, находящихся в партии до настоящего времени.

В 1933 году проводя чистку парторганизации в Карелии, я использовал свое положение председателя комиссии по чистке и провел через ЦКК утверждение председателей районных комиссий по чистке в национальных районах Карелии, рекомендованных мне националистическим руководством Карельского Обкома РОВДО и АПЮЛОННИК, председателей и членов районных комиссий, ярых националистов, ныне разоблаченных и репрессированных - ВИЛЬМИ, ФОРСТИК и КАЛЬСКЕ.

В результате оказалось, что при общем большом проценте исключенных из партии заведомо националисты исключались буквально единицами, а оставшиеся в ВКПб нацио-

13

налисты получали возможность для возобновления своей контрреволюционной работы.

Паконец, среди проверявшихся лично мною было также оставлено немалое количество с троцкистским прошлым, которые мною рассматривались, как резервы нашей организации.

ВОПРОС: С кем именно из неразоблаченных троцкистов и зиновьевцев Вы и НЕВИНСКИЙ поддерживали связь?

ОТВЕТ: Я уже назвал отдельных троцкистов и зиновьевцев, которых мы сохраняли как "резервную" силу нашей организации. Всех остальных участников троцкистско-зиновьевской организации, с которыми я и НЕВИНСКИЙ были связаны я назову на последующих допросах по мере восстановления в памяти.

ВОПРОС: Следствию известно, что Вы, будучи участником антисоветской организации, занимались не только вредительской, но и разведывательной работой на территории СССР. Вы признаете это?

ОТВЕТ: Да, признаю. Мне очень тяжело было рассказать об этом, я вижу, что и это мое преступление также Вам известно.

Начну с самого начала.

Примерно, в декабре 1933 года я был на заседании в Смольном. Вечером, возвращаясь домой, я зашел в пивную (по улице Марата), у пивной я встретил неизвестную мне женщину, заговорил с ней и был приглашен к ней на квар-

МЧ

тиру. У нее я пробыл не более 1½ - 2 часов и часов в 12 направился под сильным хмелем домой.

Дня через два я хватился, что у меня нет партбилета и паспорта, которые я всегда носил с собой вместе в одном из боковых карманов пиджака. Никому об этом не сообщив, я решил, что надо будет через несколько дней принять какие-нибудь меры, но какие я еще тогда сразу не решил.

По прошествии 3-4 дней, часов около 9 вечера, ко мне на квартиру раздался телефонный звонок. К телефону подошел я так как кроме меня никого в квартире не было. Мужской голос спросил мою фамилию и тут же сообщил, что им найдены документы на мое имя, которые он хотел бы мне возвратить. После кратких разговоров мы условились, что он приедет ко мне на квартиру. Через полчаса ко мне действительно явился молодой человек, который назвавшись работником финского консульства в Ленинграде, заявил, что у него имеются мои документы (партбилет и паспорт), которые я могу получить при условии, если я дам ему предварительную расписку в получении этих документов.

В ответ на мой вопрос, почему я должен выдать расписку в получении собственных документов, председатель финского консульства заявил, что если я не дам ему такой расписки, то мои документы будут направлены в милицию с сообщением, что я оставил их в финском консульстве.

После непродолжительного колебания я выдал ему расписку в получении партбилета и паспорта, не получив, однако, ни того, ни другого. Получив расписку, работник консульства заявил, что документов моих у него при себе нет, но что он принесет их в ближайшие дни.

Через несколько дней ко мне на квартиру снова раздался звонок и тот же мужской голос просил меня принять его. Я дал согласие, так как надеялся от него получить мои документы.

Явившись ко мне, представитель финского консульства, не отдавая еще мне документов, заявил - "у нас имеется Ваша расписка. Вы будете давать нам сведения или мы Вас дискредитируем". На мой вопрос, о каких сведениях идет речь, он сказал, что их интересует ряд оборонных заводов, расположенных в Московском районе, о которых я должен буду их информировать. Я попытался отказаться, но повидимому он видел, что эта попытка была слабой, так как я почувствовал, что нахожусь в руках разведки и сотрудник консульства повторил свое предложение.

Я дал согласие передавать им шпионские сведения по интересующим их вопросам и тут-же вручил ему сведения о выполнении плана по заводу "Электросила".

С этого и началась моя измена родине, с этого времени я стал шпионом финской разведки.

ВОПРОС: Что же было дальше?

ОТВЕТ: Переданные мною сведения о заводе "Электросила" вряд-ли могли полностью удовлетворить финскую разведку. Но, повидимому, для начала они этим ограничились. А финский разведчик (назвавший мне при втором посещении моей квартиры свою фамилию - КОСКИНЕН) вернул мои документы, заявив, что связь я буду поддерживать лично с ним. Вслед за тем он сказал мне, что у него будет ряд более серьезных требований ко мне, о которых он мне сообщит

16

дополнительно.

В скором времени он действительно предъявил мне требование дать сведения об исполнении оборонных заданий заводом им. Егорова, заводом "Электросила", по Заводу № 47 и по заводу ПВО, выпускающим дегазаторы.

ВОПРОС: Вы выполнили эти требования представителя финской разведки?

ОТВЕТ: Да, я эти требования финской разведки выполнил. Так, по заводу им. Егорова я с конца 1934 г. сообщил о количестве выпускаемых им вагонов и коечных кухонь, в 1934-35 г.г. я передал сотруднику финской разведки сведения по заводу "Электросила" о выпуске моторов для подводных лодок серия ПГВ; по заводу ПВО в 1935 году я дал сведения о количестве выпускаемых дегазаторов; и по Ремонтному заводу № 47 о количестве и типах выпускаемых из ремонта самолетов.

ВОПРОС: Как протекала Ваша дальнейшая шпионская деятельность в пользу финской разведки?

ОТВЕТ: В 1935 году сразу после получения мною предложения выехать на работу в Карелию я при первом же свидании сообщил об этом КОСКИНЕНУ. Я видел, что у него появилась даже радостная улыбка от такого оборота дела. Он советовал мне не отказываться от поездки в Карелию и сообщил, что как только вопрос о моей поездке окончательно решится, чтобы я ему сообщил и он даст мне соответствующие указания о моей дальнейшей работе в Карелии.

Когда было окончательно решено, что я еду на работу

ЧЧ

качестве председателя Совнаркома Карельской АССР, я об этом известил КОСКИНЕНА. Он явился ко мне и заявил мне, что все складывается, как нельзя лучше, что он имел разговор со своим руководством и они решили принять все меры к тщательной конспирации меня, как агента с тем, чтобы сохранить меня на случай предстоящей войны Финляндии с СССР.

ВОПРОС: Какие конкретные данные Вы передали финской разведке по Карелии?

ОТВЕТ: Бывая в Ленинграде, я продолжал встречи с финским разведчиком КОСКИНЕН. Встречи эти происходили у меня на квартире, бульвар Профсоюзов, дом 6, кв.64, в летнем саду и в Михайловском сквере. Во время этих приездов я, по заданию КОСКИНЕНА передавал ряд следующих шпионских сведений: о ходе и результатах чистки партии в Карелии, о количестве исключенных, о количестве партийных организаций и об их состоянии и численности.

2. О состоянии дороги военного значения Коцкама - Реболы, идущей к границе Финляндии. К этой дороге они проявили особый интерес, так как она во время интервенции находилась в их руках;

3. В 1936 году я передал сведения о расположении засекреченного Карельского аэродрома (за это я получил 500 руб.);

4. В 1936 г. я дал сведения о ходе строительства и производственной мощности Кондопожского бумкомбината;

5. В 1937 году я передал данные о расположении прибывшего недавно в Карелию полка, находящегося в дер. Муркалици

близ границы (за эти сведения я получил - 1000 руб.).

Кроме того, в период 1933-37 г.г. я передавал им еще большое количество различных шпионских сведений экономического характера, которые я просто не в состоянии сейчас вспомнить.

В общей сложности за весь период моего сотрудничества с финской разведкой я получил от них свыше 10.000 рублей.

ВОПРОС: Какие еще конкретные задания Вы получали от финской разведки?

ОТВЕТ: Во время моих приездов в Ленинград КОСКИНЕН неоднократно предупреждал меня об осторожности, поскольку моя роль уже сводилась не только к шпионажу, но и к оказанию им помощи в случае войны в переброске для повстанческих формирований оружия, находящегося на границе Финляндии в СССР. Я и на это дал свое согласие.

ВОПРОС: О каком оружии Вы говорите? Расскажите.

ОТВЕТ: Со слов КОСКИНЕНА мне известно, что на самой границе СССР в Финляндии приготовлено оружие, предназначенное на случай войны к переброске в СССР для вооружения повстанческих отрядов, которые по информации КОСКИНЕНА уже сформированы в ряде районов Карелии. Вот это-то оружие я и должен был помочь перебросить в СССР.

ВОПРОС: В каких пунктах Карелии расположены повстанческие ячейки, сформированные финской разведкой?

ОТВЕТ: Не знаю, так как представитель финской развед-

Чу

ки об этом мне не говорил.

ВОПРОС: Это неверно. Следствие известно, что Вы не только были осведомлены об этом, но принимали участие в формировании повстанческих ячеек на территории Карелии. Мы предлагаем Вам дать исчерпывающие показания по данному вопросу.

ОТВЕТ: Прощу мне верить, что я сказал все главное о себе и контрреволюционной деятельности других участников организации правых. Заявляю, что не исключена возможность, что некоторые детали и факты сейчас ускользнули из моей памяти, но я постараюсь вспомнить все и на очередных допросах дополню свои показания.

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан:

БУШУЕВ.

ДОПРОСИЛ: ОПЕРУЮЩИМ.1У ОТДЕЛА УГБ
МЛ.ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ - КОГАН.

верно Ильин